

В. Н. Ильин

ЗАПЕЧАТАННЫЙ ГРОБ ПАСХА НЕТЛЕНИЯ

Объяснение служб Страстной недели и Пасхи

Владимир Ильин

**Запечатанный гроб. Пасха
нетления. Объяснение служб
Страстной недели и Пасхи**

Торговый Дом "Познание"

1926

УДК 281.93-242
ББК 86.372.24-4

Ильин В. Н.

Запечатанный гроб. Пасха нетления. Объяснение служб Страстной недели и Пасхи / В. Н. Ильин — Торговый Дом "Познание", 1926

ISBN 978-5-906960-99-3

Настоящая книга В. Н. Ильина — прекрасный путеводитель по богослужениям Страстной недели и праздника Воскресения Христова, открывающий читателю красоту и глубину богословия литургических текстов, посвященных Крестному пути Спасителя и Его прославлению. Дни воспоминания о Крестном пути Иисуса и светлой пасхальной радости автор называет «смыслом и счастьем личной жизни, ее полнотой и лучшим украшением, тем, ради чего стоит жить на свете и нести бремя мирских скорбей». В. Н. Ильин — русский философ, богослов и композитор, первое издание вышло в свет в 1926 году в Париже с иллюстрациями известного художника Д. С. Стеллецкого. При подготовке к настоящей публикации текст книги был снабжен библиографическими указаниями, в оформлении книги использованы иконографические памятники древнего христианского искусства, а также некоторые декоративные элементы первого издания. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 281.93-242

ББК 86.372.24-4

ISBN 978-5-906960-99-3

© Ильин В. Н., 1926

© Торговый Дом "Познание", 1926

Содержание

Вступительное слово митрополита Волоколамского Илариона	6
Предисловие к изданию 1926 года	8
Введение	9
Запечатанный гроб. Пасха нетления	11
Глава I. Страдание и искупление. Общий смысл	11
Богочеловечества	
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Николаевич Ильин

Запечатанный гроб. Пасха

нетления. Объяснение служб

Страстной недели и Пасхи

© В. Н. Ильин, 2020

© Издательский дом «Познание» (АНО «ЦЕНТР – Познание»), 2020

Вступительное слово митрополита Волоколамского Илариона

Книга «Запечатанный гроб. Пасха нетления» Владимира Николаевича Ильина, русского философа, богослова, литературного и музыкального критика и композитора, посвящена богословскому осмыслению богослужений цикла Страстной седмицы и праздника Воскресения Христова. Главная цель автора – помочь читателю глубже понять евангельские и литургические тексты, свидетельствующие о главных событиях домостроительства спасения.

Страстная седмица представляет собой особый период в литургической жизни Православной Церкви. Каждый день этой седмицы в Триоди постной называется «святым и великим». В дни Страстной седмицы не совершаются памяти святых, отменяется поминовение усопших: все внимание верующих сосредоточено на сопереживании страждущему Спасителю.

Богослужебные тексты говорят о том, что Господь сознательно шел на смерть: Он родился для того, чтобы умереть на кресте, воплотился, чтобы стать жертвой за людей. И Он совершил этот подвиг по послушанию Своему Небесному Отцу. Нет более сильного свидетельства о любви Бога к человеку, чем крест, на котором был распят воплотившийся Бог. Нет более сильного слова о спасении человека, чем та тишина, которая исходит из гроба Единородного Сына Божия. И нет более великой жертвы, которую Бог мог бы принести за человека, чем та, которую Он принес. Преподобный Исаак Сирий говорит, что если бы у Бога Отца было что-то еще более драгоценное и любимое, чем Его Сын Единородный, Он и это бы отдал за спасение каждого человека.

Важнейшие тексты христианского богослужения, представленные и прокомментированные в книге, драгоценны тем, что они дают четкий критерий богословской истины. *Lex credendi* вырастает из *lex orandi*, вероучительные истины и нравственные установки христианства рождаются в опыте молитвы, открываются верующим через богослужение.

Настоящая книга поможет читателю принять деятельное участие в литургических событиях Страстной недели и пережить в эти дни всю евангельскую историю. Такая драгоценная возможность выпадает христианам один раз в год и позволяет совершенно по-особому осознать праздник Пасхи.

Митрополит Волоколамский Иларион

Предисловие к изданию 1926 года

Предлагаемый этюд является кратким извлечением из обширного труда, посвященного разработке той же темы. Автор старался, насколько это было в его силах, соблюсти должное равновесие между требованиями богословской научности и стремлением излагать предмет понятно и общедоступно. В качестве пособия для уяснения встречающихся литургических терминов приложен в конце книги «Краткий словарь». В «Примечаниях» указаны важнейшие исторические источники и даны критико-библиографические справки. Дополняющий текст иконографический материал исполнен по образцам Новгородской школы XV века известным художником Д. С. Стеллецким, за что автор приносит ему свою искреннюю благодарность.

В. Н. Ильин
Париж, 1926 г.
Март – Апрель

Введение

Службы Страстной недели и Пасхи соединены с разрешением самых великих и важных вопросов: о сущности страдания и смерти, об избавлении от них, об искуплении (спасении), о воскресении и вечной жизни. Литургическое разрешение этих проблем дает прямой ответ на вопрос: в чем сущность христианства. В представлении положительно верующих христиан, равно как и в церковно-литургической практике Православной Церкви, христианство символизируется Крестом, Евангелием и Евхаристической Чашей. Эти священные предметы-символы являют в видимой конкретной форме сущность христианства как полной и всесовершенной религии искупления, спасения и обожения. Всякая попытка выделить какое-нибудь одно из названных орудий спасения в ущерб другим приводит к существенному искажению всего смысла христианства. Тем более всякая попытка устранить образ Воскресшего Христа приводит к потемнению или обессиливанию Его дела. Оно оказывается лишним – ибо много было и будет проповедников «возвышенной» морали – и среди них сам антихрист.

«Если Христос не воскрес, то проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор 15:19).

«И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (1 Кор 15:19).

Ибо воскресение Христа есть воскресение и вечная жизнь всех верующих в Него и живущих в Его Церкви людей. Как Христос «смертью смерть поправ» – так попирают смерть «смертью во Христе» и все с Ним умирающие, то есть исполняющие Его Слово, как Он исполнил слово Отца.

В противном случае, как только что было сказано, исполнение учения Христова, требующее жертв, от легких и до тяжчайших – вплоть до жертвы жизнью, превращается в бессмысленное самоистязание, ибо, оказывается, всем уготован один конец. И выгода осталась на стороне не исполнявших учение Христово, то есть поживших во всех смыслах «блудно». Поэтому исполнение учения Христа без веры в Воскресение есть как бы двойная гибель, двойная смерть: и для радостей земной жизни, и для вечности. В таком случае, как говорит святой апостол Павел, «умершие во Христе погибли» (1 Кор 15:18).

На основании сказанного приходится решительно утверждать: вера во Христа, то есть истинное христианство, состоит в утверждении воскресения Христова. Отсюда ясно, что «христианская» мораль, выдуманная Л. Н. Толстым, мало имеет общего с существом подлинного христианства.

Всегда глубокое и неизменно благотворное воздействие производит на душу скорбно-торжественная сосредоточенность служб Страстной недели и светлая, святая радость Пасхальной ночи – в том виде, как эти дни празднует Русская Православная Церковь. Для тех же, кто живет в круге церковного года и привык мерять его времена священными воспоминаниями праздников, Страстная седмица и Пасха являются смыслом и счастьем личной жизни, ее полнотой и лучшим украшением, тем, ради чего стоит жить на свете и нести бремя мирских скорбей.

Единство страдания и воскресения особенно подчеркивалось древнецерковным словоупотреблением самого термина «Пасха». Пасхой именовался Страстной Пяток в частности и вся Страстная седмица (Пасха распятия, *πάσχα σταυρούσεως*, *pascha crucificationis*). Пасхой же именовался праздник Воскресения Господня (Пасха воскресения, *πάσχα ἀναστάσεως*, *pascha resurrectionis*) и вообще вся Светлая седмица. Сведения о соединении двух седмиц восходят до II века, но есть все основания полагать, что праздничное чествование этих дней, как при-

уроченных к величайшим событиям в жизни Христа и Его Церкви, восходят к временам апостольским.

Если проникнуться в достаточной степени образом Христа Воскресшего, принять в свою душу лучи Его славы, то тогда и образ Христа Распятого и Униженного обретает высший смысл, крест делается сладким, сладчайшим, евангельское учение – глаголом вечной жизни, пробуждающим мертвецов, а евхаристическая чаша – символом непрекращающегося наслаждения на брачной вечери Христа и Его Невесты Церкви. Ибо она есть всеединство искупленных и напоенных Его кровью, пребывающих в любви к Нему.

Служба Страстной недели и Пасхи есть ответный голос любви Невесты-Церкви на искупительную и жертвенную любовь Ее Жениха-Христа, торжественное приятие креста, Евангелия, евхаристической чаши и осиявшей их Славы Воскресения.

Запечатанный гроб. Пасха нетления

Глава I. Страдание и искупление. Общий смысл Богочеловечества

Стремление осознать сущность зла и страдания, желание избавиться от них, без сомнения, могут быть названы центром духовной жизни человечества. Здесь религия, философия, наука, а также искусство совпадают в своих стремлениях.

Проблема страдания неотделима от проблемы зла, хотя зло и страдание ни в коем случае не могут считаться тождественными. Часто страдание воспринимается как благо, а благоденствие – как зло (например, страдания за правое дело и благоденствие преступника). Страдание и зло занимают всю сферу бытия – физическую (материальную) и духовную, и страдания всегда мыслятся соотносительно с добром и блаженством. Сущность спасения, избавления именно и состоит в преодолении зла и страдания добром и блаженством, или лучше – в выходе из сферы зла и страдания и вхождения в сферу добра и блаженства. Наконец, хотя в плане временной исторической жизни (бывание, *Werden*) зло и страдание не совпадают, но в пределе, в вечности зло и страдание представляются в такой же степени неотделимыми, как добро и блаженство.

Проблемы зла и страдания, добра и блаженства занимают в равной степени как философа, так и богослова. Первого с точки зрения построения соответствующих понятий и оценки мирового процесса (пессимизм, оптимизм). Второго (богослова) – с точки зрения спасения, то есть реального избавления от зла и страдания и достижения добра и блаженства.

Со всей полнотой возможного и мыслимого Божество раскрылось в христианстве. Ибо сущность христианства состоит в Богочеловечестве, в обожении (теозис) человека, что и есть его спасение, Иисус Христос есть истинный Бог и истинный человек. Апостол Павел определяет это чеканной формулой: «В Нем обитает вся полнота (πλήρωμα) Божества телесно» (Кол 2:9).

Распятие Христово. Рождество Христово. Египет, Синай, монастырь св. Екатерины. XIV в.

Формула христианского разрешения проблемы поэтому заключается в утверждении, что в человеке (и через него в природе и мироздании) заложен зачаток полноты бытия, Богочеловечества. Удаление от Богочеловечества (от полноты божественной жизни) есть грех. Объек-

тивно последствия греха сказываются как проклятие и смерть. Субъективно – как страдание. Предельное страдание есть адская мука, «огнь неугасимый и червь неумирающий». Оно совпадает с максимальным пребыванием в смерти, в предельной неполноте, пустоте, «тме крошечной». Поэтому в христианстве ад и смерть являются парным понятием. Отсюда: зло не создано Богом и не существует как самостоятельное бытие. «Ничего злого не сотворил Бог (какὸν γάρ τι ὁ θεὸς οὐκ ἐποίησεν)», – говорит авва Диадок¹. Зло есть лишь вольное (ибо тварь свободна) выпадение из полноты, в человеке сказывающееся как удаление от идеала Богочеловечества. Выражаясь философски: зло реально, но не субстанциально.

Сущность зла со всей полнотой раскрывается в христианстве, для которого зло совпадает с грехом. Это удалось выразить с большой глубиной знаменитому немецкому богослову Шебену: «Христианство нам показывает тайну небытия, мрака, греха (Finsternis der Bösheit), тайну беззакония; и оно происходит не от Бога, оно происходит от твари, которая, будучи изведена из небытия и мрака действием Божества, восстает против своего Творца, чтобы уничтожить в себе таинство Его благодати»². Однако небытие и мрак, из которого Господь вызвал тварь к бытию, само по себе не есть зло. Ведь, согласно святому Максиму Исповеднику, Господь создал и само небытие (ибо он выше и бытия, и небытия, как вообще выше всякого соотносительного сопоставления)³. Злом является стремление к небытию и мраку вызванной из него твари. Поэтому можно сказать, что диавол и злые нераскаянные грешники носят ад и смерть в себе самих. Или: смерть и ад не суть объективные сущности или места, но субъективные состояния, именно состояния удаленности от Бога. Смерть есть итог греха. Ад есть его сущность. Страдание есть субъективное переживание противоестественного, противоречащего человеческой природе греха-зла. Однако извращенная направленность ко злу бывает так глубока, что грех до поры до времени перестает переживаться как субъективное страдание (температура ада настолько высока, что пирометр страдания перестает действовать). Получается самодовольство греха, лжеестественное состояние во грехе. И тогда уже пребывание в воле Божией, пребывание в законе Божиим, следование внушениям Божественной благодати воспринимается как страдание. Это и есть благое душеполезное страдание («печаль яже по Бозе», «иго благое» и «бремя легкое»). Живущие или старающиеся жить по воле Божией ищут этих спасительных страданий, которыми отзывается тварная природа на исполнение заповедей Творца; они стараются избежать «временной греха сладости», сознавая, что в итоге эта «временная сладость» обнаружит свою подлинную сущность как вечную муку и смерть.

Однако понять это, исходя из собственной испорченной грехом природы, преступившей заповеди Господни, человек не мог. Он мог быть только научен. Но что значит «мог быть научен»? Научить тому, чего непонимание, так сказать, органически ему свойственно, – нельзя. Нужно полное изменение природы. То есть другими словами, научение заповедям Божиим, чтобы быть действительным, должно быть спасением. Спасение не могло быть осуществлено только одним восхождением человека: для этого силы его были недостаточны. Но оно не могло быть осуществлено только одним снисхождением Божества: это нарушило бы тварную свободу, то есть было бы уничтожением твари. Спасение могло осуществиться только одновременным актом восхождения человека и снисхождения Бога и соединением их в Богочеловеке. «Бог мог создать нас без нас, но спасти нас без нас не может», как говорит блаженный Августин⁴.

Неизреченным Промыслом Божиим нашелся такой человек, который достиг высочайшей степени тварного совершенства. Им была Приснодева Мария, Богородица. И Слово Божие, Ипостасный Логос, второе Лицо Пресвятой Троицы снизошел к этой вершине тварного совершенства, воспринял от Нее полноту человеческого существования, не изменив Божества и не смешавшись с человечеством, соединился в единого истинного Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа. Это центральное событие не только в истории человечества, но и всего Мира,

космоса (ибо человек – микрокосм, в малом виде весь мир) святой апостол Иоанн выражает словами «И Слово стало плотью» (καὶ ὁ λόγος σὰρξ ἐγένετο, Ин 1:14). Божия Мать как совершеннейший и святейший человек явилась не только всечеловеком, то есть выразителем идеальной и совершеннейшей сущности человечества, но и тварности вообще. Приняв же в Себя Слово Божие, Она достигла и предельного обожения, стала Богом по благодати. Это и звучит в словах величания: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, сущую Богородицу Тя величаем». Обоженная до конца и ставшая Богом по благодати, Божия Мать родила Богочеловека.

Поэтому заблуждением явилось бы думать, что в таинстве Боговоплощения значение Божией Матери сводится только к пассивно – добродетельному служению доставления плоти нисходящему слову. Смирившаяся перед Богом, как Бог смирился перед Ней, вселившись в Ее человеческую утробу, Божия Мать зачала Богочеловека; и не было в Ее Материнстве момента только человеческого, но все его моменты были Богочеловеческие. Но это же величайшее преимущество и честь явились и Ее крестом. Никому из людей не пришлось понести в такой мере тяжести креста Господа Иисуса, как Его Матери.

Поэтому и к Ней Церковь относится как к Спасительнице и взывает: «Пресвятая Богородице, спаси нас». Она стоит у креста Христова, терзаясь, будучи безгрешной, теми же муками, что и Он. Она же нетленно погребается и со славой воскресает и возносится Христом с плотью на небо. И Церковь ублажает Ее исход совершенно тем же богослужебным чином, что и исход Господа Иисуса. Это и есть литургическое исповедание спасительных страстей и славного воскресения Божией Матери. «Произшедши от безбрачной и быв прободен в ребра, Ты через Нее совершил восстановление Евы» (Великая Суббота, канон, песнь 5-я, тропарь 3). Таких литургических текстов, где проводится мысль о спасительном значении подвига Божией Матери и Ее сущностном, онтологическом и притом единственном значении в деле спасения, можно было бы привести огромное, подавляющее число. Остановимся на некоторых из наиболее ярких и определенных:

«Радуйся, яко Тобой обновляется тварь, радуйся, яко Тобой поклоняемся Творцу». «Не имамы (не имеем) иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве (кроме) Тебе, Владычице».

«Предстательство христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное».

«Радуйся обрадованная, с Тобою Господь, и Тебе ради с нами».

Наконец, в 9-й песне великосубботнего канона «Волною морскою» Христос говорит, что он прославит Ее почитающих:

«Вознесу со славой непрестанно, яко Бог верой и любовью Тя величающих».

Здесь устами Церкви Христос предписывает ублажать Богородицу «верой и любовью», то есть относиться к Ней так, как будто Она была соравна (по благодати, конечно, а не по существу) Богу. Ибо лишь по отношению к самому Христу Церковь приглашает:

«Верой и любовью приступим, да причастницы жизни вечныя будем».

Этот текст херувимской песни Преждеосвященной Литургии вполне соответствует приведенному тексту 9-й песни великосубботнего канона «Волною морскою». Ибо «вознесу со славой» и значит «сделаю причастниками вечной жизни». Божия Мать есть Бог по благодати. Она – подобосущна (ὁμοούσιος). Господь Иисус – Бог по существу – единосущен (ὁμοούσιος). Поэтому, принимая вышеприведенный текст блаженного Августина, можно смело утверждать: без Божией Матери спасение рода человеческого, то есть само Богочеловечество, было бы невозможно. Такое утверждение не означает ограничения всемогущества Божия, а наоборот

утверждает и прославляет это всемогущество: Бог настолько мудро устроил тварь, что при наличности полной свободы, в смысле в возможности не грешить – *posse non* рессаге и при наличности греха, тварь все же из своих глубин, то есть из сущности своей, произрастила безгрешную (в смысле невозможности грешить – *non posse peccare*) отрасль, могущую быть до конца обоженной, стать Богоматерью. Поэтому всякое учение, которое уничтожает самостоятельность Божией Матери в деле спасения и поглощает Ее волю волей Божества, одновременно унижает Бога, ибо признает тварь неудавшейся, унижает и Божию Матерь, ибо лишает достоинства и значения Ее личный подвиг, уничтожает смысл Спасения как дела Богочеловеческого.

Богopodobность Божией Матери, Ее активность в деле спасения есть такое Ее смирение перед Богом, какого не знает и не будет знать человечество. Это смирение – подобно творящему смирению Бога, когда Он захотел добровольно ограничить Себя и Свою волю, поставив возле Себя свободную и потенциально неограниченную тварь. И вот на смирение Божией Матери Бог ответил актом вторичного смирения: ранее создав тварь, Он ныне принимает ее вид и, будучи бесплотен, воплощается в плоть, воспринимает временно-пространственные формы, что выражено в литургической формуле:

«Безлетное Слово милости ради под летом бывшее», то есть «безвременное (вечное) Слово (Логос – Λόγος), из милосердия ставшее во времени».

Это есть творение Нового Адама и с Ним Новой Твари, Спасение и обожение ее. И в сем акте добровольно и самостоятельно принимает участие сама тварь в лице Божией Матери.

Богopodobное смирение Ее перед Богом и самоограничение (истощание) Бога-Слова перед человеком является как тайна Богочеловечества в Лице Господа Иисуса Христа, Спасителя, Своими страданиями обожающего человека, а с ним и все мироздание.

Такого страдания не могла взять на себя тварь, ибо это превышало ее ограниченные силы. Такого страдания не мог взять на себя Бог, ибо Он всеблаженен. Такое страдание мог взять на себя только Богочеловек. Поэтому в известном смысле можно определить сущность Богочеловечества как всеблаженное всестрадание. Ибо «полнота Божества телесно» только и могла выразиться как предельное страдание этой телесности – человеческого, духо-душевно-телесного момента в Богочеловеке.

Совершенно прав профессор Л. П. Карсавин, говоря «об ужасе для каждого из нас ощутить себя истинным Сыном Божиим»⁵.

Необходимо утверждать поэтому, что страдания Богочеловека существенно разнятся от греховного страдания грешных людей: Богочеловек страдает, осуществляя до конца Божественное в тварном. Грешник страдает, отпадая в своей тварности от Бога. Поэтому можно сказать, что своими блаженными страданиями Богочеловек избавляет человека от греховных страданий.

Заповеди Блаженства (Мф 5:3–12) суть вместе с тем и проповедь об осуществлении их Сыном Божиим, Богочеловеком, всех до конца и во всей полноте. А это и есть крест и чаша. Ибо совокупность страданий, которые нужно претерпеть, согласно этим заповедям, чтобы быть блаженным, и есть крест (последняя из них есть крест в буквальном смысле слова). Совершенное же соединение Богочеловека с верующими в Него и спасение их и есть чаша – символ и факт единения. Через нее исполненное Христом есть исполненное человечеством (ибо Христос – Всечеловек).

Это и есть удовлетворение правде Божией (что имеет мало общего с юридическим принципом). Во Христе осуществлена до конца воля Божия, которая и есть Правда. Ее осуществление в человеческом естестве есть предельные страдания в настоящем и высшее блаженство в будущем. Этим определяется онтологическое значение заповедей Блаженства и религиозный смысл времени – во взаимоотношениях прошлого, настоящего и будущего. Именно в согласии со сказанным будущее время транспонируется в настоящее и наоборот.

Блаженство в будущем – есть нищета в настоящем, и нищета духа в настоящем скажется как блаженство в будущем.

Блаженство в будущем – есть плач в настоящем, и плач в настоящем есть блаженство в будущем и т. д. по отношению ко всем заповедям Блаженства: все они связаны в органическое, всеединое, а потому иерархическое целое. Все заповеди коренятся в блаженстве и объединены им, так что каждая высшая ступень включает низшую, а каждая низшая существует установкой на высшую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.